

ПАРАМЕТРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

А.А. Степанова

*Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра
теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова
e-mail: st.anna@bk.ru*

Институт языкознания РАН

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН*

Статья посвящена исследованию параметров лингвистической креативности на основе анализа корпусной разметки писем М.И. Цветаевой. Выявлено, что наиболее продуктивными уровнями языка для процесса лингвокреативности в эпистолярном дискурсе являются лексический и синтаксический. На каждом из них выделяются параметры лингвистической креативности в зависимости от аспектов, подвергаемых модификации. Так, для лексического уровня типичными параметрами являются следующие: смена языкового кода; лексический экспрессив, эмотив, перцептив; парадигматическая активность; смена социально-территориального кода; стилистический троп; имя собственное и его модификации, прозвища, клички; фразеологизмы, узуальные или модифицированные. Для синтаксического: инверсия, парцеллированные конструкции, синтаксический параллелизм, эллиптические конструкции, повторы.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, лингвокреативность, параметры, эпистолярный дискурс, М.И. Цветаева.

Письма М.И. Цветаевой по достоинству оценены как современниками поэтессы, так и исследователями ее творчества и по праву причислены к полноценным литературным произведениям наряду со стихами, прозой и мемуарами. Так, В.Ф. Булгаков вспоминает: «Я очень любил получать письма Марины: лапидарный, совершенно своеобразный слог, вкус, прихотливая, вольная и, может быть, даже несколько по-женски кокетливо-капризная мысль, никогда вместе с тем не компрометирующая большого, глубокого ума» [Булгаков 1976: 213].

Известный исследователь биографии и творчества М.И. Цветаевой А.А. Саакянц утверждает, что «ничто так не характеризует Цветаеву-человека, как ее письма. Даже если на одну чашу весов положить всю ее поэзию и прозу, а на другую – только письма, вторая чаша, по моему, перевесит» [Саакянц 1995: 5].

По мнению литературоведа и почитателя творчества М.И. Цветаевой Г. Горчакова «письмо, которое существует независимо от адресата, перестает быть письмом, становится особым жанром. Японская литература знает такой особый жанр, называемый сосаку, который одновременно является и документальным, и художественным произведением. Письмо отправляется адресату, а его копия – в редакцию журнала. Нечто подобное создавала и Цветаева. Недаром она пренебрежительно отзывалась о методе Гонкуров. Она уничтожала дистанцию между дневником и произведением. Всякая запись у Цветаевой становилась уже произведением» [Горчаков 1987: 181].

М.В. Ляпон называет прозу поэтессы, куда входят автобиографические повести, эссе, мемуары, дневники и письма, «единым вербальным пространством» [Ляпон 2010: 13].

Но несмотря на то, что эпистолярный М.И. Цветаевой ставится в один ряд со стихами, так как «на ее письмах лежит печать поэта; иными словами, демонстрируются, в сущности, те же самые языковые средства лаконизма: авторское тире, парцелляты, номинативные предложения» [Сулейманова 2008: 251], «цветаевская эпистолярная проза имеет и отличия от поэзии. Поэт постоянно ищет лаконичные формы, а в письмах она любила распространить, пояснить мысль, повторить ее на разные лады, дать слово в его синонимах, лишний раз втолковать читателю мысль или образ» [Сулейманова 2008: 250].

В связи с литературной ценностью переписки М.И. Цветаевой она достаточно хорошо исследована в различных лингвистических аспектах: выявление стилистических тропов в текстах писем [Ляпон 2001], исследование отношения адресата и адресанта [Кирьянова 2007], построение концептуальной картины мира эпистолярного дискурса [Щитова 2010], изучение лексических особенностей текстов [Муратова 2013; Салимова, Данилова 2019], анализ синтаксических особенностей произведений поэта [Ахмадеева 2011; Ревзина 2009; Федорова 2013].

Особенно стоит отметить комплексное и многоаспектное исследование эпистолярного дискурса М.И. Цветаевой, проведенное А.В. Курьянович [2000; 2001; 2006; 2007; 2011; 2013; 2014]. Исследователь выделяет отличительные особенности эпистолярного текста и рассматривает его как «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [Курьянович 2014]. В свою очередь эпистолярный текст, объединяя экстралингвистические и лингвистические факторы, становится эпистолярным дискурсом. В данной работе мы придерживаемся именно такого понимания этого термина.

Наше исследование посвящено изучению эпистолярного дискурса М.И. Цветаевой в аспекте лингвокреативности. Лингвокреативность, или лингвистическую креативность, мы рассматриваем как реализацию креативных возможностей языковой системы на всех ее уровнях [Зыкова 2017: 628–629].

Цель исследования – выявить параметры лингвистической креативности в эпистолярном дискурсе на материале переписки М.И. Цветаевой.

Методика выделения параметров лингвокреативности была предложена в рамках гранта РФФИ № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке» [Зыкова, Киосе 2020]. На каждом из языковых уровней выделены параметры лингвокреативности с учетом конкретных языковых аспектов. Каждому из параметров присвоен числовой код, произведена корпусная разметка эпистолярных текстов.

Анализ корпуса показал, что в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой лингвокреативность отмечена на всех языковых уровнях, характерных для текста. Наиболее полно и разнообразно представлены в данном отношении как лексический, так и синтаксический уровни в равной степени.

На лексическом уровне наиболее продуктивными являются следующие параметры: смена языкового кода; лексический экспрессив, эмотив, перцептив; парадигматическая активность; смена социально-территориального кода; стилистический троп; имя собственное и его модификации, прозвища, клички; фразеологизмы, узуальные или модифицированные.

Остановимся на каждом из параметров подробнее. Смена языкового кода реализуется зачастую при вводе иноязычного элемента, что можно назвать тенденцией в эпистолярном дискурсе изучаемого периода.

В иноязычном написании встречаются прежде всего имена иностранцев (*Fraulein Brinck*, *Theophile Gautier*), названия литературных произведений, которые читали в оригинале (*L'Aiglon*, *Gesprache mit Goethe*), или вставки из целых фраз (*это какая-то detresse musicale* ‘музыкальное томление’ [Цветаева 1995: 117]; *Майя, именно про Вас можно сказать: Et vous avez a tout jamais-dixhuit ans!* ‘и вам раз навсегда восемнадцать’ [Цветаева 1995: 118]; *Майя, вы Sonntags-Kind!* ‘счастливица’ [Там же. с. 118]; *Au revoir. Monsieur mon pere spiritu<e>* ‘До свидания, мой духовный отец!’ [Цветаева 1995: 48]).

Очень часто имена в иноязычном написании приобретают окончания русского языка (...я сейчас загадала на тебя по *Jean Paul*’у [Цветаева 1995: 51]; *больше всех я полюбила Laurenz*’у [Цветаева 1995: 48]). Такую тенденцию мы наблюдали также в эпистолярном дискурсе писателей конца XIX века (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, например).

Лексические эмотивы, экспрессивы и перцептивы широко и

разнообразно представлены в текстах М.И. Цветаевой (...сама она, Ялта препротивная [Цветаева 1995: 16]; мне было отчаянно грустно; да, грустно... Какая пошлость! С горячим желанием, Понтик! [Цветаева 1995: 25]; Ради Бога!!! [Цветаева 1995: 61]). Содержание и соотношение понятий «экспрессивность» и «эмотивность» остается одной из актуальных и нерешенных проблем лингвистики. На этот счет в современной науке существует несколько концепций, которые отличаются друг от друга разными представлениями об объеме понятия «экспрессивность». Мы вслед за И.В. Арнольд понимаем экспрессивность как «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [Арнольд 2002: 100]. Экспрессивность, обозначая понятие более широкое, является результатом использования эмотивных единиц.

Парадигматическая активность проявляется в эпистолярном дискурсе в синонимических рядах, например, *вчера получили твою милую славную карточку* [Цветаева 1995: 15], и антонимических парах, например, *каждое «очарование» вело за собой неминуемое «разочарование»* или *учу немного свою химию, много – Алгебру* [Цветаева 1995: 20]; *Мир очень велик, жизнь безумно коротка...* [Цветаева 1995: 58]. Синонимы используются для усиления смысла, придания экспрессии высказыванию, но не так популярны в письмах М.И. Цветаевой. Что касается антонимов, то в эпистолярной прозе поэтессы встречаются большей частью окказиональные, индивидуально-авторские пары.

Использование окказионализмов распространяется не только на случаи противопоставления – словотворчество можно назвать отличительной особенностью эпистолярного дискурса М.И. Цветаевой. Приведем примеры некоторых случаев: *Лиля каждое утро решает пойти и каждый вечер перерешает* [Цветаева 1995: 101]; *Сейчас Магда пишет его портрет, сводя его с ума своей черепашистью* [Цветаева 1995: 91]; *...милая своей полудеревенскостью* [Цветаева 1995: 90]; *...шансы выдержать – очень гадательны* [Цветаева 1995: 105]; *Аля окончательно отлепилась от дома* [Цветаева 1995а: 270]; *Но – в чем дело с не-совсем-счастьем или совсем-не-счастливиостью?* [Цветаева 1995а: 144].

А.В. Курьянович, проанализировав окказиональные лексические единицы эпистолярных текстов поэтессы, утверждает, что они в высшей степени экспрессивны, но изменения формы и семантики происходят по узуальным моделям, поэтому окказионализмы легко «читаются» [Курьянович 2007].

Смена социально-территориального кода выражается в использовании М.И. Цветаевой просторечной лексики: *папа разрыл мой*

дневник; неохота; копать в моей душе вечно; лезу с извинениями [Цветаева 1995: 23]; *Соня на меня не дуется, не знает? Мы ведь с ней порядочно грызлись* [Цветаева 1995: 54], а также данный параметр проявляется в эпистолярном дискурсе поэтессы в краплениях гендерно окрашенной лексики, например, *зубоврачиха, эсдечка*.

Лингвокреативность в этом аспекте обусловливается особенностями стиля личной переписки, так как, с одной стороны, это письменный, иногда очень четко выверенный текст (например, как у Л.Н. Толстого, который пользовался черновиками при написании корреспонденции, переписывал, корректировал тексты), с другой стороны, это диалог с близким человеком, который предполагает использование неформальной разговорной лексики.

Модификация имен собственных и использование разного рода кличек и прозвищ также характерны для личной переписки. Изучению антропологического пласта эпистолярного дискурса М.И. Цветаевой посвящено исследование Д.А. Салимовой и Ю.Ю. Даниловой [Салимова, Данилова 2019]. На наш взгляд, авторы предлагают вполне логичную классификацию. Исследователи разделяют антропонимы на три группы. К первой относится «классический корпус» имен: имена и фамилии адресатов (*Пастернак, Борис! Вера и Лиля*), особое место в этой обширной группе занимают производные от имен и даже фамилий (*Максинька, Лилися, Валечка, Валенька, Ланнушка*). Такие апеллятивы интересны также для нашего исследования, так как несут в себе лингвокреативные трансформации.

Во вторую группу исследователи включают «поэтические» обращения (*Мурлыга, Арлекин, Душенька, Влюбезьяна, Лососина, Чародей*).

К третьей группе ученые отнесли апеллятивы-прозвища (*Кисенька, Милая Кисенька, моя, Голубчик*) [Салимова, Данилова 2019].

Мы добавили бы к этой группе более креативные прозвища, например, *Волчья Морда* (к М. Фельдштейну), *чудный, сказочный Медведюшка* (к М. Волошину), *Пра* (к матери М. Волошина), *Кот* (к К. Эфрону), *Левушка* (к С. Эфрону) или *Понтик* (к П. Юркевичу). Последнее прозвище становится основой для очень яркой развернутой метафоры, которая проходит через всю переписку с П.И. Юркевичем. Прозвище «Понтик», производное от слова «пойнтер», обыгрывается М.И. Цветаевой следующим образом: *Мне в настоящую минуту хочется погладить Вас по шерстке, т.е. против* [Цветаева 1995: 23]; *Понтик, обещающий со временем сделаться хорошим пойнтером, ну скажите, неужели это люди* [Цветаева 1995: 18]? *Милый Вы черный понтик (бывают ли черные, не знаете?) я наверное без вас буду скучать* [Цветаева 1995: 18]. *Пока прощайте, не сердитесь, крепко жму Вам обе лапы* [Цветаева 1995: 20]. *Глажу Вас против шерстки и буду рада, когда*

она отрасли. Милый щененок Вы мой (не обижайтесь, что я Вас так зову, я очень люблю собак. К Вам я чувствую нежность, желание к Вам приласкаться, погладить Вас по шерстке... Глажу Вас против шерстки. Лапу, товарищ! [Цветаева 1995а: 715]

В переписке с М. Волошиным его прозвище (*Медведюшка*) также обыгрывается: *такой хороший, такой медведюшка* [Цветаева 1995: 48]; *Марина лохматится о твою львиную голову* [Цветаева 1995: 55]; *Нужно было подойти к тебе, погладить тебя по лохматой гриве* [Цветаева 1995: 48].

Это далеко не единственные метафоры в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой. Ее тексты наполнены разного рода стилистическими тропами. Приведем некоторые из них: *передо мной лежит раскрытая химия и ехидно улыбается; решительно не с кем иметь дело, кроме одной моей знакомой — г<оспо>жи химии, но она до того скучна, что пропадает всякая охота иметь с ней дело* (олицетворение) [Цветаева 1995: 18]; *Вот Брюсов, – забрался на гору, на самую вершину (по его мнению) творчества и, борясь с огнем в своей груди, медленно холодеет и обращается в мраморную статую* (метафора) [Цветаева 1995а: 715]; *Пусть наша жизнь будет как граненые стекла* (сравнение) [Цветаева 1995а: 720]; *Энигматическая Аля, ее накладное веселье* (эпитеты); *На пути столько заманчивых станций, кажется, что только на минутку зайдешь отдохнуть, а там не хватит силы выбраться на настоящую дорогу, махнешь рукой и останешься* (метафора) [Цветаева 1995а: 721].

Фразеология эпистолярных текстов поэтессы заслуживает отдельного исследования. Как параметр лингвистической креативности в данном исследовании интерес вызывают не все фразеологические единицы, которые сами по себе являются в высшей степени экспрессивными, а авторская трансформация таких единиц. Приведем в качестве примера, как нам кажется, наиболее яркие случаи модификаций: *выходит какая-то добродетель на постном масле* (ср. *чепуха, или ерунда, на постном масле*); *нет больше пороха в людях* (ср. *есть еще порох в пороховницах*); *загораю не по дням, а по часам* (ср. *растет не по дням, а по часам*).

Таким образом, подводя итоги анализа параметров лингвистической креативности лексического уровня, можно сделать вывод, что он всесторонне подвержен авторской трансформации и каждый из параметров требует отдельного пристального исследования в рамках теории лингвокреативности.

Как уже было отмечено, на синтаксическом уровне эпистолярного дискурса М.И. Цветаевой в равной степени, как и на лексическом реализуется процессы лингвистической креативности. В творчестве поэтессы такие модификации – это один из способов создания образности

и экспрессии. Специфика прозы М.И. Цветаевой заключается в том, что стихотворные элементы проникают в ее структуру и создают особый ритмический строй [Федорова 2013].

В результате анализа было выявлено, что в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой присутствуют практически все параметры лингвокреативности, характерные для синтаксического уровня: инверсия, парцелированные конструкции, синтаксический параллелизм, эллиптические конструкции, повторы. Инверсия (*Живем мы в Ялте ничего себе...* [Цветаева 1995: 16]) используется для акцентирования отдельной фразы или отдельного элемента в фразе.

Парцелляция (*Он холодный, мертвый. Увидит светлую точку и мгновенно загасит ее. Зажечь он ничего не может. Вся жизнь его полна призраков* [Цветаева 1995а: 716], или *Друг, а теперь просьба. Большая. Сделайте мне один подарок. Только сначала напишите, что: да, а потом я скажу* [Цветаева 1995: 607], или *...друзю еще с сыном Шингарева – есть такие святые дети. 29 лет, с виду 18 лет; – мальчик. Уединенный. Весь – в 4-ом измерении. Туберкулез. Сейчас в Давосе* [Цветаева 1995: 533]) создает четкий ритм и также акцентирует внимание на отдельных элементах. Такие конструкции – одна из отличительных особенностей творчества М.И. Цветаевой. По словам И.А. Бродского, они представляют собой иероглифическую конденсацию обозначения ситуации, так как автор расставляет только знаки-вехи, а адресат призван додумать, или прочесть по нотам [Бродский 1997].

Повторы (*Дождь, дождь, дождь; обещать ничего не обещаю, совсем не вижу, почему я должна обещать; ...то же самое, что и с морем: одиночество, одиночество, одиночество* [Цветаева 1995: 47]; *Большой книжный шкаф, большой письменный стол, большой диван – все увесистое и громоздкое* [Цветаева 1995: 55]; *Выходит, что только на маскараде можно говорить друг другу правду. А жизнь не маскарад! Или маскарад без откровенной дерзости настоящих маскарадов* [Цветаева 1995: 18]) – еще один из способов задать ритм эпистолярному тексту. В этом случае проявляется влияние поэтического языка на прозу поэта. Как отмечает В.И. Забурдяева, «активное использование этих насыщенных книжной экспрессией построений в орнаментальной прозе обусловлено ее ориентацией на синтаксическую систему стихотворной речи, в которой они выступают в качестве продуктивного явления, формируют так называемый “именной стиль” лирической поэзии» [Забурдяева 1985: 48].

Параллельные конструкции (*И в Орловке можно жить с тревожно бьющимся сердцем. И в Париже можно жить без всякого волнения* [Цветаева 1995а: 730], или *Ты такой трогательный, такой хороший, такой медведюшка, что я никогда не буду ничьей приемной дочерью, кроме твоей, или неужели эти улицы никогда не потеряют своего*

мирного вида? Неужели эти стекла не зазвонят под камнями? Неужели все кончено? [Цветаева 1995а: 729]) также представляют собой повторы, но в этом случае это повторы синтаксических конструкций, в которых наблюдаем отпечаток стихотворных строк.

Таким образом, мы видим, что синтаксис эпистолярных текстов М.И. Цветаевой дублирует ее поэтические тексты, создавая особый авторский стиль.

Знаки пунктуации приобретают большую значимость в эпистолярных текстах М.И. Цветаевой. Они придают экспрессию при повторе (*ради Бога!!! Когда – писать??* [Цветаева 1995: 55]), расставляют акценты (*Аля была мила и спала до семи, я до десяти. (!!!)* [Цветаева 1995: 85]) и опять же фиксируют паузу для поддержания ритма (*...лучшее, что имею – увезу, умру – возьму* [Цветаева 1995: 65]). Н.Г. Гольцова подчеркивает значимость пунктуации в творчестве поэтессы, отмечая, что «у Цветаевой свое восприятие, понимание знаков препинания, свое отношение к ним» [Гольцова 2001: 64]. Кроме того, как утверждают исследователи и подтверждение чему мы обнаружили при анализе параметров лингвокреативности, «Цветаева всегда отдает предпочтение наиболее «сильным» знакам, тем, которые нельзя не заметить» [Валгина 1979: 7]. К таким знакам можно отнести тире и скобки. Причем тире активно используется автором не только для разметки ритма и расставления акцентов, но и наряду со скобками для введения различного рода замечаний и комментариев.

Скобочные вставки как авторские комментарии изучает С.А. Ахмадеева [Ахмадеева 2011]. Исследователь определяет их как конструктивные и смыслообразующие компоненты и разделяет на три типа.

К первому типу относятся локальные вставки, которые поясняют определенный элемент предложения: *явной стены, сплошного веселья, настоящей игры (о, как я на нее неспособна!) чтобы и помину не было о душе, – зачем душа, когда ее так топчут?!* [Цветаева 1995: 584]).

Ко второму типу – вставки, ориентированные на диалог с адресатом. Функция таких вставок – вести «линию адресата» [Ревзина 2009: 478], например: *душа и молодость. Некая встреча двух абсолютов. (Разве я Вас считала человеком?!) Я думала, – Вы молодость, стихия, могущая вместить меня – мою! Я за сто верст...* [Цветаева 1995: 595].

К третьему типу относятся вставки, которые наряду со знаками препинания имеют другие графические знаки, например: *вчера, на большой дороге, под луной, расставаясь с Вами и держа Вашу холодную (NB! От голода!) руку в своей, мне безумно хотелось поцеловать Вас, и, если я этого не сделала, то только потому, что луна была – слишком большая!* [Цветаева 1995: 658]

Лингвистическая креативность подобных вставок заключается в

нарушении линейности текста и наполнении его экспрессией.

Итак, анализ корпусной разметки писем М.И. Цветаевой показал, что в эпистолярном дискурсе поэтессы в наибольшей степени лингвистической креативности подвергаются лексический и синтаксический уровни, так как именно на этих уровнях языка было выделено наибольшее количество параметров лингвокреативности.

В данном исследовании намечены дальнейшие направления изучения лингвистической креативности эпистолярного дискурса, в частности, планируется детальная проработка выделенных параметров, а также сопоставление их с параметрами лингвокреативности эпистолярного дискурса других временных периодов.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва. 2002. 384 с.

Ахмадеева С.А. Смыслообразование в письмах, записных книжках и сводных тетрадах Марины Цветаевой (скобочные вставки как авторские комментарии) // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 15–22.

Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. Москва. 1997. 207 с.

Булгаков В.Ф. Встречи с прошлым. Москва. 1976. 284 с.

Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначения. Москва. 1979. 125 с.

Гольцова Н.Г. «Есть нечто в стихах, что важнее их смысла: – их звучание...» (Авторская пунктуация в произведениях М. Цветаевой) // Русский язык в школе. 2001. № 3. С. 63–67.

Горчаков Г. Марина Цветаева – корреспондент-адресат // Новый журнал. 1987. № 167. С. 178–187.

Забурдяева В.И. Ритм и синтаксис русской художественной прозы конца XIX – первой трети XX века (орнаментальная проза и сказовое повествование): дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1985. 252 с.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М., 2017. 752 с.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Кирьянова А.П. Субъективная модальность адресанта (на материале писем М.И. Цветаевой) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. № 44. С. 67–70.

Курьянович А.В. Анализ прагматики окказиональных лексических единиц в эпистолярных текстах М.И. Цветаевой в аспекте читательского

восприятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 103–108.

Курьянович А.В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой): монография. Томск, 2013. 308 с.

Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01). Томск, 2001. 17 с.

Курьянович А.В. Прагматика слова в эпистолярных текстах М.И. Цветаевой в аспекте идиостиля // Русский язык в современном культурном пространстве / под ред. Н. С. Болотновой. Томск, 2000. С. 114–117.

Курьянович А.В. Роль внутренней речи в организации когнитивного пространства писем М.И. Цветаевой // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл. Томск, 2006. С. 89–93.

Курьянович А.В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 255–262.

Курьянович А.В. Эпистолярные коммуникативные универсалии (на примере писем М.И. Цветаевой и современной переписки) // Коммуникативная стилистика текста: Лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2011. С. 422–451.

Ляпон М.В. Семантика парадокса (М. Цветаева: проза, дневники, письма) // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: 8-я цветаевская междунар. науч.-тем. конф.: сб. докл. М.: ДМЦ, 2001. С. 255–263.

Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки слав. культур, 2010. 528 с.

Муратова Е.Ю. Многозначность слова в письмах М. Цветаевой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2. С. 179–182.

Ревзина О.Г. Семантика вставочных конструкций // Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009. С. 467–478.

Саакянц А.А. Письма поэта // Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Письма. Москва. 1995. С. 5–9.

Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Антропонимы как обращения в эпистолярном дискурсе Марины Цветаевой // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 1 (19). С. 17–22.

Сулейманова М.А. Эпистолярная проза М. Цветаевой – продолжение ее поэтического языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 62–65.

Щитова Н.В. К вопросу об отражении когнитивного уровня языковой личности М.И. Цветаевой в письмах к Б.Л. Пастернаку и Р.М. Рильке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6. С. 89–94.

Федорова Е.В. Ритмико-синтаксические особенности прозы М. Цветаевой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 10 (2). С. 97–102.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва. Т. 6. 1995. 800 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва. Т. 7. 1995а. 848 с.